

ГЕНДЕР, СЕМЬЯ, СЕКСУАЛЬНОСТЬ. ПРОДОЛЖАЯ И. С. КОНА

DOI: 10.14515/monitoring.2019.6.18

Правильная ссылка на статью:

Пугачева М. Г. Игорь Кон: «То, чем занимался я, этим никто другой не занимался» // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 351—381. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.18>.

For citation:

Pugacheva M. G. (2019) Igor Kon: “I was doing what nobody else was doing”. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 351—381. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.18>.

М. Г. Пугачева

ИГОРЬ КОН: «ТО, ЧЕМ ЗАНИМАЛСЯ Я, ЭТИМ НИКТО ДРУГОЙ НЕ ЗАНИМАЛСЯ»

ИГОРЬ КОН: «ТО, ЧЕМ ЗАНИМАЛСЯ Я,
ЭТИМ НИКТО ДРУГОЙ НЕ ЗАНИМАЛСЯ»

ПУГАЧЕВА Марина Геннадиевна — старший научный сотрудник Центра фундаментальной социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: puma7@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8539-1706>

IGOR KON: “I WAS DOING WHAT NO-
BODY ELSE WAS DOING”

Marina G. PUGACHEVA¹ — Senior Research Fellow, Centre for Fundamental Sociology

E-MAIL: puma7@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8539-1706>

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Аннотация. В публикуемом интервью с выдающимся российским социологом и философом Игорем Семеновичем Коном речь идет об истории возрождения советской социологии в начале 1960-х годов, о создании и истории Института социологии. Нарратив начинается с истории воз-

Abstract. We offer an interview with Igor S. Kon, an outstanding Russian sociologist and philosopher. The interview tells about the revival of the Soviet sociology in the 1960s and the foundation of the Institute of Sociology. The narrative begins with the establishment of relationships with Pitirim Sorokin, a Rus-

никновения взаимоотношений с российско-американским социологом и культурологом Питиримом Сорокиным, и шире — с рассказа о рецепции западных идей в отечественной социологии. В связи с этим отдельное место занимает рассказ о советской цензуре и попытках Кона влиять на изменение правил ее осуществления в области науки. Отдельный сюжет — семинарское движение в социологии, семинары Юрия Левады, встречи социологов в Кяяррику. Упоминаются имена многих выдающихся советских социологов, стоявших у истоков возрождения социологии в России.

Ключевые слова: Игорь Кон, Питирим Сорокин, история советской социологии, цензура, спецхран, рецепции западной социологии, семинары по социологии, ИКСИ-ИСИ АН СССР, встречи в Кяяррику

sian-American sociologist, and extends to the story about the reception of the Western ideas in the Russian sociology. In his regard, the emphasis is placed on the story about Soviet censorship and Kon's attempts to change the censorship rules in the academic field. A special attention is paid to the so-called "seminar movement", introduced by Yury Levada, referring to sociologists' meetings in Kääriku. Names of many prominent Soviet sociologists who pioneered sociology in Russia are mentioned.

Keywords: Igor Kon, Pitirim Sorokin, history of Soviet sociology, censorship, spetskhran (special storage), receptions of Western sociology, seminars on sociology, Institute for Specific Social Research — Institute for Sociological Research of the USSR Academy of Sciences, Kääriku meetings

Интервью с Игорем Семеновичем Коном состоялось в 1998 г. в рамках моего проекта по истории «семинарского движения» в социологии. Еще в издании «Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах» [Российская социология..., 1999] были опубликованы воспоминания с отцами-основателями советской социологии, дополненные — для своего рода переключки — документами из партийных, государственных и личных архивов. После этого я решила более подробно сосредоточиться на следующих темах. Это формальная и неформальная научная коммуникация советских социологов; семинары Ю. А. Левады, Б. А. Грушина, И. В. Бестужева-Лады, В. А. Ядова, встречи социологов в Кяяррику; механизмы рецепций идей западной социологии; цензура в социологии. И тут же обнаружилось, что по всем этим сюжетам не обойтись без Игоря Семеновича, его опыта и знаний конъюнктуры тех лет.

Для лучшей ориентации в повествовании необходимо привести несколько фактов из истории институционализации социологии в СССР.

Начало возрождения социологии в нашей стране пришлось на середину 1950-х гг., когда на Урале начались первые конкретные социологические исследования на тему положения рабочего класса. И уже в это же время в документах встречаются первые упоминания о необходимости создания специализированного

института. Однако до момента подписания официальных документов прошло почти десятилетие, которое как раз и пришлось на период хрущевской оттепели. К началу 1960-х гг. проведение конкретных социологических исследований приобрело массовый характер. Одновременно ширились контакты советских обществоведов с западными социологами, участились выезды на Всемирные социологические конгрессы и конференции. В 1958 г. в нашей стране прошла международная социологическая конференция и сформировалась Советская социологическая ассоциация. Она первоначально возникла с целью участия советской науки в Международной социологической ассоциации, однако постепенно молодая генерация обществоведов начала использовать ее для консолидации профессионального сообщества внутри страны и распространения идей социологии.

И. С. Кон. 1950-е гг. Источник: архив М.Г. Пугачевой

И вот, в ноябре 1959 г. решением Президиума АН СССР в Институте философии была создана группа социологических исследований, в октябре 1960 г. преобразованная в сектор исследований новых форм труда и быта (рук. — Г. В. Осипов). Тогда же, в 1960 г., Б. А. Грушин открыл свой Институт общественного мнения газеты «Комсомольская правда» и начал проводить первые в стране широкомасштабные опросы общественного мнения. В 1964 г. на базе социологической лаборатории философского факультета Ленинградского университета был создан Научно-исследовательский институт комплексных социальных исследований

(НИИКСИ). В этом же году в Академии общественных наук (АОН) при ЦК КПСС сформировалась группа конкретных социологических исследований, а затем отделы и лаборатории создаются при многих партийных органах, райкомах, обкомах, крайкомах. АОН оказалась серьезным конкурентом Академии наук в том, чтобы возглавить «социологическое движение» в стране и стать координирующим центром. Рассматривались предложения о создании головного социологического института именно в рамках этой системы. К счастью, этого не произошло. И решение было принято, как это ни странно, на заседании Идеологической комиссии при ЦК КПСС по вопросу развития общественных наук 15—18 ноября 1965 г. Социология получила поддержку «старой философской гвардии» «истматчиков» — П. Н. Федосеева, Ф. В. Константинова, М. Б. Митина, — представлявших интересы, в первую очередь, Академии наук.

Тогда, в 1965 г., институт создан не был. Однако решающим шагом в процессе институционализации социологии стала организация Научного совета по проблемам конкретных социальных исследований. На него была возложена координация всех проводимых в стране социальных исследований, в том числе и социологических, были сформулированы их основные направления. Председателем Научного совета был назначен член-корреспондент А. М. Румянцев, а его заместителем стал Г. В. Осипов. Постановлением президиума АН СССР сектор исследований новых форм труда и быта Института философии был преобразован в Отдел конкретных социологических исследований.

Далее события развивались следующим образом. Руководитель отдела Г. В. Осипов вскоре стал председателем Советской социологической ассоциации, взяв на себя роль лидера в формировании научной дисциплины. 16—19 февраля 1966 г. в Ленинграде прошел симпозиум на тему «Опыт проведения конкретных социологических исследований в СССР», в котором приняли участие около 600 человек. В постановлении бюро Отделения философии и права АН СССР отмечался «рост в Москве, Ленинграде, Новосибирске, Свердловске, Таллине и др. городах кадров специалистов, владеющих приемами конкретного исследования социальных явлений с использованием современных средств качественно-количественного анализа». Кроме того, вновь ставился вопрос об организации печатного органа социологов, на этот раз — об издании в Ленинграде журнала «Социологические науки». В июне 1966 г. в АОН при ЦК КПСС проходил всесоюзный теоретический семинар «Конкретные социологические исследования и идеологическая деятельность». В апреле 1967 г. состоялось совещание в Сухуми по количественным методам в социологии. Им руководил А. М. Румянцев, который в эти же дни был избран вице-президентом АН СССР по общественным наукам. Совещание имело огромный резонанс в профессиональном сообществе социологов. По образному высказыванию одного из участников, это было выступление «формулы против цитаты». Таким образом, к 1967 г. социология в нашей стране значительно упрочила свои позиции. Уже осенью этого года начались практические мероприятия по созданию Института конкретных социальных исследований (ИКСИ). В сентябре академик Румянцев пригласил И. В. Бестужева-Ладу и рассказал об идее создания ЦИКСИ — Центрального института конкретных социальных исследований, который должен был сам состоять из трех институтов: Института социологических исследо-

ваний, который, как предполагалось, возглавит Осипов, Института общественного мнения во главе с Грушиным и Института социального планирования и прогнозирования во главе с Бестужевым-Ладой. В каждом институте должно было быть по 74 штатных единицы. Однако в жизни все оказалось скромнее.

По иронии судьбы у Института имеются несколько дат «рождения»: 22 мая 1968 г. было принято решение Политбюро ЦК КПСС; Постановление Президиума АН СССР № 509 датируется 14 июня; основные направления работы института были определены позже постановлением ЦК КПСС от 10 декабря 1968 г. Научная жизнь в Институте была построена в основном по «проектному принципу». Из Института философии перешли следующие генеральные проекты: «Методология, методика и техника социологических исследований» (рук. Ю. А. Левада), «Труд, коллектив и личность в условиях экономической реформы» (рук. Г. В. Осипов), «Функционирование общественного мнения в условиях города и деятельность государственных и общественных институтов» (рук. Б. А. Грушин), «Социальные аспекты воспроизводства, распределения и использования трудовых ресурсов» (рук. В. Г. Васильев).

В 1969 г. в Институте существовало три научных направления:

- теория организации социального объекта (планирование, прогнозирование, управление);
- теория управления социальными системами;
- история социологии и критика современных буржуазных теорий.

Первое из них имело приоритетный характер. Здесь разрабатывались вопросы социальной структуры и социального планирования, мотивации труда и внутригрупповых отношений, методика моделирования социальных процессов. В рамках данного направления действовал изыскательский проект В. А. Ядова «Влияние осознанных ориентаций на поведение личности». Отдел Г. В. Осипова в этот период разрабатывал одновременно 8—10 тем, так или иначе связанных с промышленной социологией.

Генеральным проектом «Функционирование общественного мнения и деятельность государственных институтов в условиях города», которым руководил Б. А. Грушин, уже были проведены полевые работы в Таганроге и началась обработка данных. Отдел В. Н. Шубкина разрабатывал социологические проблемы образования, фактически продолжая методологическую программу, которая началась в Новосибирске. Изыскательский проект И. В. Бестужева-Лады занимался прогнозированием духовных потребностей молодежи.

В Институте, помимо, так сказать, «социологического», существовало еще «политологическое» направление, возглавляемое заместителем директора Ф. М. Бурлацким. Основной разрабатываемой темой здесь была теория управления социальными процессами. В «команде» Бурлацкого были А. А. Галкин, руководивший авторским коллективом «Социальная структура и общественно-политическая деятельность», Н. А. Сидоров, Н. С. Мансуров. Здесь же работали опытные публицисты Е. А. Амбарцумов и Л. В. Карпинский. Исследования, проводимые в рамках данного направления, были связаны преимущественно с разработкой аналитических документов для ЦК КПСС (хотя это вовсе не значило, что ученые были «ангажированы» властями).

Наиболее заметным из прикладных исследований того времени был опрос читателей центральных газет, которым руководил В. Э. Шляпентох. В Ленинграде Б. М. Фирсов вел опросы телезрителей.

В феврале 1969 г. в составе Института был утвержден ленинградский сектор изыскательского проекта «Соотношение ценностных ориентаций и реального (явного) поведения личности в сферах труда и досуга». Под руководством В. А. Ядова в секторе работало шесть научных сотрудников: Э. В. Беляев, Л. В. Борзикова, В. В. Водзинская, В. Н. Каюрова, Г. И. Саганенко, А. П. Сопиков. Это была команда социологов, перешедшая из НИИКСИ при ЛГУ.

И, наконец, в структуре ИКСИ был создан генеральный проект «История социологии», возглавляемый И. С. Коном. Примечательно, что в наименовании проекта не фигурировал традиционный термин «критика».

Обстановка в институте в 1968—1971 гг. была уникальной. А. М. Румянцев, будучи своего рода «прикрытием» от властей и чисто номинальным административным руководителем, создал, как вспоминает В. А. Ядов, «прекрасную либеральную атмосферу. Лишь временами он собирал руководство института — руководителей крупных проектов, отделов, заместителей директора — и просто мы говорили на разные темы, как правило, даже не столько административные вопросы обсуждались... его интересовало содержание, как у нас идет дела, в каком направлении, какие проблемы будем изучать. Румянцев активно настаивал на том, чтобы мы использовали госстатистику, потому что социологи ею вообще пренебрегали... Он сказал на одном собрании, довольно узком: “Вы знаете, когда размышляю о ситуации в нашей стране, в обществе в целом, я думаю, что все формации возникли естественным путем и только социалистическая формация возникла организованно — путем организованных действий масс. Не отсюда ли все наши проблемы? Вот над этим надо подумать”» [Пугачева, 1994].

Однако все это продолжалось недолго. Год создания ИКСИ — 1968-й, и это многое объясняет в его будущей судьбе. Не успев встать на ноги и только начав разворачивать исследовательскую работу, Институт уже в конце 1969 г. подвергся идеологической атаке со стороны партийных органов. Кампания началась с критики «Лекций по социологии» Ю. А. Левады, прочитанных им на факультете журналистики МГУ еще в 1967 г. и опубликованных под грифом Института [Левада, 1969ab]. Смысл нападок был очевиден и самому Леваде, и руководству Института: в стране начался отказ от либеральных перемен «оттепели», начинался период «застоя». Вот как рассказывал об этом В. Н. Шубкин: «Левада не сам по себе привлек внимание ЦК КПСС. Дело было в директоре ИКСИ А. М. Румянцеве, который до этого возглавлял “Проблемы мира и социализма”. Его люди работали в международных отделах ЦК и были влиятельны. Трапезников, завотделом науки, сказал так: “Надо обрезать пражский хвост”. Поэтому было задумано устроить разгром Левады, Румянцева и других» [Пугачева, 1994].

Ю. А. Левада подтверждает эту версию. «После Чехословакии (имеется в виду ввод советских войск в Прагу в 1968 г. — М.П.) началась серия “зажимов”, в частности, волна дошла и до ИКСИ. Им очень не нравилось, что во главе ИКСИ стоял главный либерал тех времен Румянцев и что там можно было разные вещи делать. Сами по себе — ничего особенного, но отличающиеся от принятых стандартов...

Надо было прикрутить всякую чуть-чуть либеральную мысль. И прикрутить ИКСИ, который не нравился вообще нашим философским козлам, ведь нет никакой социологии, отличной от философии. Философия — это истмат и диамат, и ничего другого социологического быть не должно».

После «дела Левады» ситуация в Институте была некоторое время неопределенной: А. М. Румянцев был вынужден уйти с поста директора, а исполняющим обязанности был назначен Н. И. Лапин. Он не предпринял никаких действий против «засоренности кадров» Института и был вскоре заменен на М. Н. Руткевича, который и занялся «реорганизацией» Института. В результате начался массовый уход ученых — первым уволился Ю. А. Левада, затем Ф. М. Бурлацкий вместе со своим сектором был переведен в Институт государства и права. В декабре 1972 г. уволился И. С. Кон. В. Н. Шубкин и А. А. Галкин ушли со своими сотрудниками в Институт международного рабочего движения. Позднее ушли Н. И. Лапин, Н. Ф. Наумова, А. И. Пригожин, В. Д. Ольшанский, Г. М. Андреева, Е. А. Амбарцумов, Г. С. Лисичкин, Л. В. Карпинский и многие-многие другие. Институт стал другим. Да и название сменилось — Институт социологических исследований.

Ленинградские сектора ИСИ АН СССР были переданы в Институт социально-экономических проблем распоряжением Президиума АН СССР 31 марта 1975 г.

В 1976 г. директором ИСИ стал Тимон Васильевич Рябушкин.

Марина Пугачева (М.П.): *Игорь Семенович, первое, о чем хотели бы с Вами поговорить, это Ваша переписка с Питиримом Сорокиным. Нам об этом рассказал Игорь Анатольевич Голосенко¹ [подробнее об этом см. Пугачева, 2001]. Он и посоветовал сделать запрос в архив Сорокина и попросить их прислать копии всех писем русских и советских адресатов. Взять интервью у нескольких человек, которые состояли в переписке с Сорокиным, и сделать небольшую работу, посвященную связям Сорокина с Россией².*

Игорь Кон (И.К.): Должен сказать, что я никогда не воспринимал свои письма и телефонные разговоры как нечто, имеющее историческое значение. Я не имел такой осторожности... Человек, который раз сидел, обычно этой осторожности учился. Я знал одного профессора, он вел аккуратнейший архив. Он один раз сидел и с тех пор со всех писем всегда делал копии. Никогда не знаешь, когда и что понадобится. Поскольку у меня такого опыта не было, аккуратности у меня тоже нет. Эти письма — все что у меня было, потому что они оказались в Сорокинском архиве.

М.П.: *Как Вы вообще вышли на Сорокина?*

И.К.: Это было очень просто: я занимался историей социологии, и Сорокина, естественно, знал. Впрочем, его главная работа, четырехтомник [Sorokin, 1957; Сорокин, 2000], имела отношение даже больше к философии истории, чем к социологии. Я эту книгу знал значительно раньше, чем многое другое. И потом я взял Голосенко, когда он был еще студентом, и дал ему эту тему, потому что мне казалось (и я был прав), что о Сорокине можно написать достаточно пристойно.

¹ Голосенко Игорь Анатольевич (1938—2001) — социолог, доктор философских наук, профессор. Один из первых историков русской социологии.

² Переписка Питирима Сорокина была опубликована в 2009 г. Павлом Кротовым, руководителем Центра Питирима Сорокина в Сыктывкаре [Питирим Сорокин... 2009].

Я старался не брать те фигуры, где нужна была сплошная фальсификация, а там, где можно было бы обойтись какими-то оговорками, это стоило делать. Самое удачное, я Диме Шалину³ дал Мида, и это была первая советская работа о нем. Сейчас Шалин — ведущий специалист в Америке по этой тематике. А Игорю я дал Сорокина, но при этом оказалось, что ни в университете, ни в публичной библиотеке у нас не было очень многих произведений Сорокина. Почти все было тогда в спецхране. И я тогда решил, что надо их достать, и просто написал самому Сорокину письмо. В это время его репутация уже не была такой страшной: опять же, я не каждому стал бы писать письма, хотя у меня была очень большая переписка. Но здесь я считал, что я могу себе позволить начать такую переписку. Он уже антисоветски не высказывался, был больше разочарован в американской социологии.

М.П.: Это какой год?

И.К.: Примерно 1966-й⁴. В общем я сообщал, что взял студента, но у нас отсутствуют в библиотеке его книги. В одном из первых писем Сорокин как раз пишет, что посылает книги и просит сообщить, дойдут они или нет. Если дойдут — он пошлет еще, а если не дойдут — то и смысла нет посылать. Очень любезно. Книги дошли. Естественно, часть из них осела в спецхране (этого я ему не написал), но спецхран — это было уже не так страшно. Во-первых, там можно было сидеть и работать, а во-вторых, у меня были особые отношения с цензурой: можно было договориться о том, чтобы ценой вырезки каких-то страниц, которых мне самому не жалко, получить остальное.

Так вот было и с Сорокиным. Так что Игорь, когда начинал работать, уже имел всю литературу. Если я брал мальчика или девочку, то обычно чувствовал себя ответственным за то, чтобы они могли работать на современном уровне вне зависимости от того, как комплектуются наши библиотеки. Единственное, о чем я их строго предупреждал: если что-то понадобится, скажи мне — я напишу, я до stanu. Не вступай сам ни в какие переписки, это опасно. На меня уже есть досье, к тому же все знают, чем я занимаюсь. Я знаю, на что я могу пойти, а на что не могу. А вот ты влипнешь...

Так и случилось с Игорем и, по-моему, с Костей Султановым⁵. Я их особенно предупреждал не вступать ни в какие контакты ни с какими гидами на разных американских выставках. Во-первых, вероятность, что эти гиды действительно работают в специальных службах, значительно выше среднего. Во-вторых, независимо от того, где они работают, за этими людьми всегда слежка, поэтому, вступая с ними в контакт, не санкционированный заранее (а эти санкции надо было получать на очень высоком уровне в КГБ), человек гарантированно попадал в орбиту самого недружественного внимания.

³ Шалин Дмитрий Николаевич — советский и американский социолог. Учился в Ленинградском государственном университете, окончил аспирантуру Института конкретных социальных исследований и защитил диссертацию в 1973 г., после чего работал в ленинградских секторах Института социологических исследований. В 1975 г. эмигрировал в США, где окончил аспирантуру Колумбийского университета. С 1991 г. — профессор Университета Невады в Лас-Вегасе и директор Центра демократической культуры.

⁴ Первое письмо написано 1 октября 1965 г. Вся переписка опубликована в [Из эпистолярного наследия..., 1998].

⁵ Султанов Константин Викторович (род. 1937) — доктор философских наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

И вот, Игорь не послушался, и они с Костей познакомились на какой-то выставке с каким-то гидом. У ребят никакой корысти, кроме как, может быть, получить какие-то книжки, не было. Но все равно этого делать было нельзя. Они подружились с молодым человеком, пригласили его домой... После этого их тягали по всем инстанциям и возможности заграничных поездок уже не стало. Нельзя сказать, что она на самом деле была большой, но все-таки... Игорь не был «инвалидом пятого пункта» и был членом партии, папа у него полковник. У него могли бы быть шансы, но тут он их себе сразу же обрезал. Но это уже такие реалии, которые сегодня мало кому понятны.

М.П.: *А лично с Сорокиным вы когда-нибудь встречались?*

И.К.: Нет, никогда. В это время он уже никуда не ездил — был болен. Он собирался в Советский Союз, но не смог приехать. Я послал ему свою книгу «Позитивизм в социологии» [Кон, 1964], где есть критика в его адрес. Ему это очень понравилось, и в одном из своих последних писем он сообщал, что постарается сделать на меня ссылку, хотя уже верстка, и вряд ли удастся. Ему это удалось: когда его книжка до меня дошла, я эту ссылку обнаружил.

В каком-то письме я его спрашивал, как лучше переводить его собственную терминологию. В этом отношении он оказался плохим помощником, сказал, что затрудняется, что надо думать, потому что он писал все по-английски.

А потом это была личная переписка: он болел, у него был рак, он знал, что умирает, и знал это задолго. И была такая более теплая переписка, чем обычно бывает с людьми, которых никогда не видел. Мне хотелось сделать ему что-то приятное. У нас тогда выходили альбомы с фотографиями, причем их можно было купить. Теперь переписку никто не запрещает вести, но сегодня я книжки никому не в состоянии послать, даже если я в состоянии купить, потому что стоимость пересылки уже не вписывается в нашу зарплату. А тогда были многочисленные цензурные препятствия, и просто был некоторый риск, но зато не было проблем финансовых. Я ему послал альбом Кижей, его родные места...

М.П.: *Может быть, кто-то из ваших коллег встречался с Сорокиным лично? Например, на социологических конгрессах, ведь Сорокин одно время был президентом Американской социологической ассоциации.*

И.К.: Думаю, об этом лучше расспросить Галину Михайловну Андрееву [см. Пугачева, Ярмолюк, 2002]. По-моему, Вадим Семенов⁶ и Галина Андреева встречались с Сорокиным во время Вашингтонского конгресса⁷. Впрочем, на все эти конгрессы, как правило, ездили люди, не имеющие отношения к социологии.

По-видимому, я начал эту переписку уже после этого конгресса, потому что все-таки очень долго Сорокин у нас официально считался фигурой чрезвычайно одиозной. Заводить какие-нибудь связи с эмигрантами было абсолютно не допустимо. Смертельно опасно. Этого было делать нельзя, не имея заведомо санкции, причем высокой, КГБ. После того, как я уже знал, что кто-то с ним официально встречался и что после этого не было неприятностей, я и рискнул на это пойти. Если бы этого не было, я вряд ли бы рискнул.

⁶ Воспоминания В. С. Семенова о встрече с Сорокиным на Вашингтонском конгрессе см.: [Семенов, 1999: 428—429].

⁷ V Всемирный социологический конгресс в Вашингтоне проходил в 1962 г.

М.П.: А кто из советских социологов имел «санкции» на общение с иностранцами и с эмигрантами в частности?

И.К.: Только те, кто состоял в штате в КГБ. Но я таких знаю мало. Либо те, кто как Юрий Александрович Замошкин⁸ постоянно бывали в Штатах: он уже имел такие санкции, не будучи работником КГБ. Понимаете, это все было совсем не так однозначно. Во-первых, насчет контактов — надо было просто брать и делать, потому что, если спрашивать... Приведу другие примеры. Ездить за границу меня не пускали, а переписываться — я переписывался. И я никого об этом не спрашивал. Я обнаружил, что у нас иностранную литературу вообще не читали. Ее перестали читать где-то перед войной и потом долго-долго никто не читал. А я это делал всегда. В начале 1950-х я начал ходить в публичную библиотеку и заказывать философские и социологические журналы, это было еще в аспирантуре.

Я закончил аспирантуру в 1950-м и через год-два стал заниматься философией истории. И вот тогда регулярно просиживал в спецхранах в Москве от открытия до закрытия. Воевал с ними из-за правил. Тут я нашел в ЦК мою переписку с Суловым. Вернее, не переписку, а мое письмо с резолюцией Сулова⁹: я пытался поменять правила спецхрана. Кстати, было не всегда безнадежно¹⁰. В Ленинградских библиотеках мало что было, и, кроме того, там ничего сделать было нельзя, а в Москве находилась моя любимая библиотека, единственная в стране, где были нормальные каталоги и где был отражен спецхран, — это нынешний ИНИОН.

И правила спецхрановские менялись. Во-первых, проблема получить разрешение. Чтобы получить разрешение, преподавателю общественных наук в начале 1950-х нужна была бумага за подписью ректора и начальника спецотдела, поскольку предполагалось, что вам оформляют какой-то «допуск». Когда я в 1950—1952-м годах работал в Вологде, мне это без всяких хлопот оформили. Когда я вернулся в Ленинград и стал работать в Химико-фармацевтическом институте, то начальник отдела кадров категорически отказывался выдать бумагу под предлогом, что у меня нет «допуска». Я говорю:

— Мне нужна научная иностранная литература, оформите мне допуск.

— Так я не могу оформить, потому что у вас несекретная работа.

Вот был упрямый человек: мы с ним долго не могли сговориться. В конце концов, я обозлился и написал в КГБ — уже не помню кому, — что мне нужны книги для работы и разберитесь, в конце концов, какой порядок: раз у меня в Вологде было разрешение, почему здесь его нет? Меня пригласили на Литейный, извинились, но сказали, что ситуация действительно абсурдная, потому что мне на самом деле никакой секретности не нужно: литература, которую вы хотите читать, не секретная — она просто «вредная», и мы все объясним.

Но дальше эта система стала меняться, может, отчасти в связи с той моей жалобой. Я не уверен, что писал в ленинградское управление КГБ, мог написать куда

⁸ Замошкин Юрий Александрович (1927—1993) — философ, социолог и политолог, в 1960—1980-е гг. зав. сектором Института мирового рабочего движения АН СССР, зав. кафедрой философии Института общественных наук, зав. отделом Института США и Канады АН СССР, автор работ по проблемам личности, свободы и равенства.

⁹ Письмо поступило в ЦК КПСС 27 января 1961 г.

¹⁰ Документы опубликованы в разделе «Пресса и цензура» сборника [Пресса в обществе..., 2000: 465—470].

угодно (я был храбрый по молодости лет), но систему в итоге все же изменили. Оформление допуска уже не требовалось, а разрешение подписывали руководители учреждений и секретарь парторганизации. Позже стали выдавать книги из спецхрана и аспирантам, студентам — с трудом. Мороки с этим было невероятно много, потому что правила пользования менялись. Помню, когда я в первый раз приехал в Москву работать, у меня была надлежащая бумага, все было нормально, но нужно было подписать правила, что я не имею права использовать эту литературу в печати. Полный бред! Уже и в студенческие, и в аспирантские годы я читал эту литературу. Хотя я занимался Англией XVII века, но и по этой теме литература в значительной мере была в спецхране. Меня это правило возмутило, и я решил, что надо жаловаться. Я позвонил в ЦК КПСС, в Отдел пропаганды, где я никого тогда не знал, и сказал, что вот такие правила. Грубый некультурный голос мне ответил, что все правильно. «Что же — говорит, — вы это все хотите в печать тащить? Я говорю: а что, вы думаете, я езжу сюда читать ради удовольствия? Я это читаю ради критики. — Ну и критикуйте, зачем цитировать? Я говорю: а вы “Материализм и эмпириокритицизм” читали? — Читал, — говорит. — Вы помните, сколько там цитат? Вы думаете, что без цитат можно все критиковать?». Этот аргумент подействовал. Он дал телефон какого-то товарища повыше, тот меня выслушал, все понял и сказал: да, конечно, эти правила неправильные, устарели, и мы их изменим.

Потом было другое правило, совсем страшное. В какой-то период вы в спецхране могли делать заметки, но на руки их получить не могли. Ваши тетрадки высылали по почте в ваше учреждение. Никаких проблем с этим, если учреждение было нормальное, не было: никто не встречал и вам тут же ваши тетрадки отдавали. Но когда я оказался в Химико-фармацевтическом институте, я своих опусов не мог получить. Тем паче, я выписки всегда делал на языке оригинала: не буду же я тратить время на перевод! Этот начальник спецотдела ничего прочитать не мог и экспертизу невозможно было провести. Потом это тоже изменили.

А начинал я читать еще до Москвы в Ленинграде, и помню, как пришел и стал интересоваться философскими и социологическими журналами. Я был мальчишкой, ведь институт кончил в девятнадцать лет. На меня сбежались смотреть библиотечарши, которые говорили, что не помнят такого случая, чтобы какой-нибудь гуманитарий спрашивал иностранную литературу. Я действительно обнаружил, что в библиотеке хранилось огромное количество журналов: они лежали неразрезанные, поскольку ни на одном языке никто никогда ничего не читал.

М.П.: При этом фонды регулярно пополнялись?

И.К.: Регулярно поступали свежие журналы — тогда валюты было много, — но их никто не читал. Когда с валютой стало хуже, библиотекари сокращали подписку — зачем выписывать то, что никому не нужно. И когда с этим уже стало совсем трудно — а наши ребята, мои и Володи Ядова, действительно читали иностранную литературу и о них надо было заботиться, — то пришлось комплектование ленинградских библиотек взять в свои руки. Валюта была ограничена, и надо было выписывать то, что заведомо будут читать. Ядову надо было защищать интересы своих коллег, и поскольку я имел представление о перспективах научного развития, то давал рекомендации, что выписывать: а именно

только те книжки, которые либо имеют непреходящую ценность, либо по тем направлениям, где что-то читают. Первыми стали в Ленинграде таким образом выходить из положения психологи. Когда этим занимаются библиотекари, то ориентируются по каталогам, а что они имеют в виду — неизвестно. Например, дублировались книги в Библиотеке Академии наук и Публичке. Мы старались сделать так, чтобы книжки не дублировались, и библиотекари были счастливы. В результате я командовал практически всем комплектованием ленинградских библиотек, а потом, когда у меня на это не стало времени, этим делом занялся Володя Магун. Таким образом, при любых трудностях с валютой, если что-то надо было получить, библиотекари добывали нам эти книги. Валюта была (хотя в Ленинграде значительно меньше, чем в Москве), так что просто этим надо было заниматься систематически, смотреть каталоги, проспекты.

Тогда я еще и в мыслях не имел заниматься сексологией, но проблемами социологии сексуальности уже занимался, а потому старался смотреть вперед и знал, что эта литература потребуется. В то время денег было мало, надо было экономить, и вот, Публичной библиотеке я порекомендовал выписать книжку Фрэнка Каприо «Девиантная сексуальность» [Caprio, Brenner, 1969]. Формата покетбук, чтобы подешевле. Это известный американский сексолог, судебно-медицинский эксперт и так далее. Где-то года через полтора, когда она наконец дошла, разразился грандиозный скандал. К счастью, у меня были хорошие отношения с цензорами в Ленинграде. Был такой Владимир Михайлович Тупицын, интеллигентный человек. Он сидел на почтамте и контролировал переписку, получение книг и прочее. Знакомство оказалось довольно своеобразным и началось с неприятности. После моего письма Сулову и реакции на него, у меня были намертво испорчены отношения с Главлитом¹¹. Они меня ненавидели. Они неделю не спали, читали книжки, которые я указывал в письме Сулову как пример цензурного произвола и приводили оттуда антисоветские цитаты, чтобы показать, что этот доктор философских наук на самом деле ничего не понимает и занимается подрывной деятельностью. Хотя в моем письме было прямо написано, что, конечно, там есть какие-то цитаты, но если в книжке 600 страниц на французском языке, а на 590-й написано, что в Советском Союзе однопартийная система, поэтому это недемократическое государство, то человек, который в состоянии прочитать эти 600 страниц на французском языке, наверное, уже имеет по этому поводу мнение и его это не развратит. Поэтому последствий для меня это почти не имело.

Немного расширили список, по которому рассылались реферативные издания, — в это время уже существовал Институт научной информации, где делали переводы очень важных вещей и издавали бюллетени, но они мало к кому попадали. Например, издали брошюру Хайдеггера — уже не помню, как она называлась, — но разослали ее только высокому начальству, а в библиотеки, даже в спецхраны, она не попала. Узнав, что она существует в природе, я попробовал чего-то добиться. Я пошел в обком, к секретарю обкома по пропаганде, и сказал: вот так и так, как достать подобные книги? Он долго не мог меня понять — я объяснял, что рассылаются они по списку членам ЦК. Он говорит: я не могу у Фрола

¹¹ Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит) — государственный орган в СССР, занимавшийся цензурованием печатных произведений и защитой государственных секретов в СМИ.

Романовича¹² интересоваться, что он получает как член ЦК. Я понял, что не должен был его спрашивать: дистанция между мной и ним больше, чем между ним и Фролом Романовичем. А потом он сообразил, полез в шкаф и достает оттуда Хайдеггера: вот это вы имеете в виду? Я говорю: да, это то самое. Вам на нее только чайники ставить, а мне, между прочим, почитать бы невредно. Он говорит: ничего не могу сделать, но пожалуйста — приходите, работайте у меня в приемной. Но проще было прочитать это в оригинале, чем сидеть там в приемной, тем более что это было не приглашение, а наоборот...

Итак, я написал в ЦК, и после этого списки на рассылку увеличились, но Главлит меня ненавидел смертельно. Но еще до этого вышла такая история. В Советский Союз приезжал Чарлз Райт Миллс¹³, и за ним ухаживали как за очень важным человеком. С кем он встречался в Москве, я не знаю, но когда он собрался в Ленинград, то заявил, что не хочет встречаться с «социологическими колхозами» (когда собирают вместе людей, которые ничего и ни о чем не знают), а только с одним человеком, чтобы был нормальный разговор. Ему порекомендовали меня: я, кажется, единственный прилично знал язык.

Власти очень беспокоились об этом визите, даже постеснялись показать философский факультет, который был тогда страшно замызганным, и мы с Миллсом встретились в каком-то дворцовом кабинете. У нас был очень милый приятный разговор, после которого он пообещал прислать мне свои книги. Жду-жду, а книжек нет. Я стал нервничать, книжки мне нужны, и я послал заказное письмо министру связи СССР о том, что жду такие-то книги и до сих пор их не получил (я не мог написать самому Миллсу, что книги не пришли, потому что неудобно спрашивать, послал ли он их вообще). Книги по идее не спецхрановские, изымать их не должны, а даже если и изъяли, то должны были поставить меня в известность. Прошу разобраться. Стали разбираться и выяснилось, что вовремя не послали сами издательства. Я даже от Министерства справку получил правильную. Тогда я написал Миллсу: книги были посланы, и я их получил.

Но одновременно Главлит воспользовался случаем сделать мне неприятность. Меня вызвали в райком партии, и секретарь райкома, достаточно милая женщина (что бывало редко в Севастопольском райкоме), говорит мне: я сама ничего не знаю, но мне звонили из обкома, что я должна вас просто предупредить, что так делать нельзя, вы разгласили государственную тайну. — Какую? — Факт существования в Советском Союзе цензуры — это государственная тайна. Я говорю: простите, это было заказное письмо министру связи СССР. — Я понимаю, что это нелепо, но мне поручили вам сказать. Ну что тут делать?

Потом уже я познакомился с Тупицыным, и он рассказал, как меня ненавидит его начальство и объяснил всю эту механику. «Наша система — только часть общества. Не мы решаем, когда что-то надо ослабить — это решается в ЦК. Мы просто аппарат и ничего больше. Добиваться изменения наших правил — то же самое,

¹² Козлов Фрол Романович (1908—1965) — член Президиума ЦК КПСС (1957—1964), первый заместитель Председателя Совета Министров СССР (1958—1960), секретарь ЦК КПСС (1960—1964). Член ЦК КПСС (1952—1965). Депутат Верховного Совета СССР в 1950—1965 гг. Член Президиума Верховного Совета СССР в 1954—1958 и 1962—1965 гг.

¹³ Скорее всего, речь идет о конце 1961 г., когда Ч. Р. Миллс ездил по Европе в сопровождении своего аспиранта С. Ландау.

что ссать против ветра. А вот если по-хорошему попросить, если вам что-то надо, то в порядке исключения можно сделать если не все, то многое. И дальше: проблема в том, каким способом посланы книги из-за границы. Если идет пароходом, то приходит в Ленинград и тогда я рассматриваю. Любые книжки, которые придут на ваше имя, я вам отдам — никто кроме меня этого не узнает. Если это идет через Москву и ко мне приходит уже с “шестигранником”, я изменить ничего не могу. Если попросят вырезать страницы, выбирайте те, которые вам не жалко». И тогда я стал просить своих коллег, которые меня снабжали книгами (в основном это делала Американская социологическая ассоциация, частные лица за свой счет редко кто слал), по возможности отсылать морским путем...

И вот случилась эта история с книгой Каприо. Мне звонит Тупицын и говорит: вы знаете, страшный скандал. Начальник Главлита взбешен, кричит, что это абсолютная порнография, книгу нельзя держать даже в спецхране, ее нужно уничтожить. И, кроме того, они требуют вашей крови. Я говорю:

— Это не может быть порнографией — это солидное издательство и, судя по аннотации, нормальная профессиональная книга.

— Ну, хорошо, я попрошу прислать под мою ответственность. Посмотрим, разберемся.

Ее прислали, и все стало ясно. Книга нормальная, издана в популярной серии, но автор занимается девиантной сексологией: насильники и другие люди рассказывают, что и как делали, и изъясняются, естественно, не на латыни, так что цитаты на обычном разговорном языке. Какая-то дама в Главлите пришла от этого в ужас, доложила начальству и «пошла писать губерния». Мы посмотрели, написали, что все нормально, книжку оставили на спецхране в Публичной библиотеке и вопрос был исчерпан.

Однажды я устроил Публичной библиотеке неприятность через того же Тупицына и его начальство. Я рекомендовал студентам Фрейда, а им его не выдавали. Он не спецхрановский, а им отказывались выдать. Тогда я пожаловался в Горлит¹⁴, что библиотекари присвоили их права, и им был втык. Но библиотекари по-своему правы: у них гораздо больше неприятностей, если где-то недобдят. Бдительность была чрезмерная — так что по справедливости и преподаватели общественных наук, и библиотекари должны были бы получать основную зарплату в Горлите. Главное — бдительность, а остальное по совместительству. Я сам когда-то сделал выговор работникам библиотеки Академии наук: я рекомендовал студентам дюркгеймовское «Самоубийство» [Дюркгейм, 1912], а одному студенту-физику отказались ее выдавать. И он устроил скандал. Этот парень указал, что издание 1912 года и потому ничего антисоветского там не могло быть по определению. Книгу посмотрела заведующая залом, выяснила, что если ты хочешь повеситься, то эту книгу читать не следует, там никаких рецептов нет. После чего ее выдали.

К счастью для нас, из спецхрана книги можно было убирать, и я активно «чистил» ленинградскую публичную библиотеку. Когда я начал заниматься философией истории, сутками сидел в спецхране, где лежал, например, Дильтей, который умер еще до советской власти, какие-то издания выходили в фашистские времена,

¹⁴ Горлит — городское управление Главлита.

но это были классические тексты. Это было хлопотное дело: вначале нужно было написать записку, что такие-то книги я считаю возможным отсюда убрать, потом приходил в библиотеку цензор, который их просматривал, и если у него не было возражений, книги переходили в обычный фонд. Пользоваться ими становилось значительно удобнее: у меня был абонемент, а из спецхрана книги на дом взять нельзя, по МБА¹⁵ заказать их нельзя. И, кстати, в спецхранах работали в большинстве случаев вполне нормальные люди: они были счастливы, когда от них что-то уходило. Однако иногда хранить в спецхране было рациональнее: например, журналы или какие-то серийные издания, когда заведомо ясно, что какие-то номера нельзя перевести в общий фонд, удобнее, чтобы все было в одном месте.

Но главная беда со спецхранами заключалась в том, что они ни в одной библиотеке не вносились в общий каталог. Поэтому если тебе что-то было нужно, ты не мог узнать, есть ли это в библиотеке. А спецхрановские каталоги показывали очень неохотно, потому что по букве инструкции разрешение на работу в спецхране было ограничено твоей темой. За эти пределы можно было выходить, но осторожно. Все, что бралось в библиотеке, фиксировалось, а в спецхране — особенно жестко. Если человек вызывал подозрение, что он читает литературу не по заявленной теме, могли быть проблемы. И это продолжалось до самого конца советской власти. Ну что Фрейд, если советские книги по сексопатологии, написанные на птичьем языке, не выдавались даже в специальных библиотеках! Чтобы получить эту книжку, надо было иметь не только врачебный диплом, но еще принести из учреждения справку, что вы занимаетесь именно сексопатологией, а не просто удовлетворяете свое нездоровое любопытство. Это продолжалось до 1987 года и кончилось, когда я эту практику осмелю на страницах теоретического политического органа нашей партии — журнала «Коммунист» [Кон, 1988]. Причем люди, работавшие в библиотеках, не понимали глупости этих правил. Уже на самом деле государственная цензура была ни при чем: это их собственная цензура, собственная самодеятельность. В партийной печати был порядок, которого сейчас, к сожалению, нет нигде. Когда «Правда» или «Коммунист» что-нибудь печатали, любой факт вначале обязательно проверялся. Поэтому, когда я прислал статью, из отдела проверки позвонили в библиотеку, и те не сообразили, что надо тут же отречься, они подтвердили: да, такое правило у нас есть. И после того, как появилась статья в «Коммунисте», его отменили.

М.П.: *А кто вообще становился цензором? Какое у них было образование? Насколько часто там встречались действительно умные люди?*

И.К.: Очень разные люди, в основном, с филологическим и философским образованием, но обязательно с высшим. Нужен был профессионализм, в особенности, для чтения нашей литературы, рукописей и так далее, и у них был поразительно наметанный глаз. Самые распространенные и самые «смертельные» опечатки, когда перепутываются слова «капитализм» и «коммунизм», что случалось. Помню, я как-то пришел сам (хотя не принято было туда ходить, официально мы о них «не знали», но из всех правил бывали исключения) с какой-то статьей, мне нужно было срочно получить визу. Цензор при мне ее листает, не читает: «вот, говорит, хорошо,

¹⁵ Межбиблиотечный абонемент (МБА) — форма библиотечного обслуживания, позволяющая читателям одной библиотеки пользоваться также книжными фондами других библиотек.

что вы ко мне пришли и я заглянула, смотрите — вот здесь слова перепутались, если бы я не заглянула, не дай бог, потом меня бы сняли с работы». Люди были разные: были цепные псы, но были и вполне интеллигентные люди.

Тот же самый Тупицын очень тяготился своей работой, хотя многим людям помогал. Как только стало возможно, он ушел оттуда, хотя имел хорошую репутацию. Причем его все время смущало как раз то, что он имеет либеральную репутацию, а это чревато последствиями... Один раз он мне помог, а я думал, что он меня подвел. Кто-то прислал мне какие-то пластинки. Пластинки тоже контролировались, были и там запреты. Он мне говорит: виноват, вам пришли пластинки, и я их машинально активировал, чтобы изъять, не заметил, что это вам, но раз я уже это записал, это изменить не могу. Я сказал своему начальнику, чтобы это исправили, потому что это, мол, моя ошибка, поскольку Кон имеет режим наибольшего благоприятствования со стороны обкома. На самом деле такого режима официально не было. Он сказал: вы, вероятно, получите свои пластинки, потому что мой начальник обожает звонить в обком — он позвонит Кругловой¹⁶ и все будет в порядке. В то время у меня с ней не было никаких отношений, потом были хорошие. Она очень суровая и мрачная женщина, но вместе с тем имела собственное мнение, и с ней о чем-то можно было разговаривать. С последующими уже ни о чем и никогда. Я пришел в ужас:

— Владимир Михайлович, вы же меня погубили! Круглова скажет «нет» и после этого... Черт с ней, с пластинкой, мне книги важнее!

— Нет,— говорит,— я их лучше знаю: Арсеньеву¹⁷ нужен повод позвонить Кругловой, а Круглова вас знает, ей что, жалко, что ли? Он оказался прав.

А потом уже у меня в ленинградском обкоме никогда не было «режима наибольшего благоприятствования», меня всегда там не любили. У меня были гораздо лучшие отношения в ЦК, а в Ленинграде отвратительные, там всегда было омерзительное руководство. Но прецедент чиновник интерпретировал как общее указание, что мне можно все выдавать. Какое-то время таким «режимом наибольшего благоприятствования» пользовались в Ленинграде два человека: я и Фурсенко¹⁸ (сейчас он уже перестал быть академиком-секретарем Отделения истории). А кончилось это потом тем, что проворовался один из руководящих работников Горлита, его посадили на восемь лет. Он занимался тем, что книги и пластинки, которые они изымали в большом количестве, через каких-то мальчиков сбывал на черном рынке за бешеные деньги. КГБ вышло на него, а он был заводделом. После этого стали устражать порядки и жертвой оказался я, хотя ничего не воровал и ничего не распространял, но все мои привилегии кончились. Так что, когда я пытался от них чего-то добиться, мне говорили: пожалуйста, получите в ленинградском обкоме письмо, и, если дадут, мы против вас ничего не имеем.

М.П.: *А как обстояло дело с переводом на русский язык социологических работ? Существовал ведь какой-то грандиозный проект?*

¹⁶ Круглова Зинаида Михайловна (1923—1995) — в 1963—1968 гг. секретарь Ленинградского горкома КПСС; в 1968—1974 гг. секретарь Ленинградского обкома КПСС. Скорее всего, речь идет о горкоме КПСС.

¹⁷ Арсеньев Юрий Михайлович (1921—1986) — в 1960—1971 гг. начальник Управления по охране государственных тайн в печати при Ленисполкоме.

¹⁸ Фурсенко Александр Александрович (1927—2008) — советский и российский историк, доктор исторических наук, академик АН СССР (1990) и академик РАН (1991).

И.К.: Существовал. Я пытался это делать. Мы обеспечили перевод многих книг, в том числе очень хороших. У меня был когда-то большой проект... Но Ядов с Батыгиным дважды потеряли мою заявку.

М.П.: На какую книгу?

И.К.: «Стереотипы, предрассудки» — великолепный сборник. Это было уже в 1990-е годы, они мне два года морочили голову. Сначала Ядов потерял, потом Батыгин потерял. Это другая история, которая стоила мне двух тяжелых депрессий.

А при советской власти дело было так. Надо было выбирать, и я считал, что надо издавать не по идеологическим соображениям. И лучше, чтобы переводились не толстые книги, потому что у нас бумаги мало, а сборники. Можно было, если составитель хороший специалист, отобрать самые важные статьи — в том числе те, в которых заведомо нет политики. Иногда это выходило. Мне очень много крови стоила замечательная книжка «Философия и методология истории» [Философия и методология истории, 1977]. Меня интересовало перевести классику в этой области. Видите, на ней гриф «Для научных библиотек»? Эта книга очень тщательно составлена, там ничего спецхрановского нет, и ее должны были издать большим тиражом. Эта книга очень важная, потому что здесь те вещи, без которых вообще заниматься философией истории нельзя: это отправные статьи, от которых идут все последующие дискуссии. И все было в порядке, но, когда все уже было набрано, в «Прогресс» на должность заместителя главного редактора пришел психически больной антисемит — на самом деле больной, — выгнанный из Института социологии. Фамилию я забыл, но — чтобы выгнали в это время за антисемитизм! Он стал проявлять бдительность, взял рукопись и написал разносный отзыв, что это сплошная идеологическая диверсия, что все тексты плохие. И все в таком роде. Жуткий совершенно отзыв. Но со мной такие штуки не проходили: я написал ответ, соответственно, достаточно жесткий, и этого человека выгнали. Это была последняя капля, он там что-то натворил еще до того. А тут его просто убрали. Все равно, однако же, на всякий случай — народ был пугливый — поставили гриф «Для научных библиотек» и в результате тираж только пять тысяч, поэтому мало кто смог прочесть. А за несколько лет до того, году в 1954-м, вышел в трех томах сборник переводов по философии и методологии истории, его издавал Институт всеобщей истории. Увы, всего двести экземпляров. Так что просвещать людей было очень трудно.

Неприятности были и с книгой Маргарет Мид «Культура и мир детства» [Мид, 1988]. Причем, должен вам сказать, неприятности очень редко были из-за цензуры. Представление, что люди делились по тому, где кто работает (кто в научном мире — те хорошие, а кто в аппарате или в цензуре — те плохие), — это ничему не соответствовало. В моем опыте все неприятности бывали в основном с коллегами. Вначале все шло гладко, но один из моих коллег, он и сейчас здоровствует, написал внутренний отзыв, где выражал большие сомнения насчет нравственности самой Маргарет Мид, и потом насчет сексуальности, а о сексуальности у Мид там ничего и не было... Вот такой странный отзыв. Но это не имело значения, и я даже не стал писать на него ответ, просто проигнорировал, издательство поступило так же. Во всех этих вещах надо было просто быстро соображать и принимать на себя ответственность. Если я не готов и просто не хочу, то я должен запросить у началь-

ства руководящих указаний. А там, где ты мог взять на себя ответственность, там ты мог что-то сделать. И так со всеми переводами.

Кстати, почему у нас было так плохо с переводами — дело не в цензуре и даже не в ЦК КПСС. Дело в том, что ведь переводить некому. Опасны переводы хороших книг плохим туземным автором, потому что тогда очевидно, что ты ни к черту не гож: либо то, что ты пишешь, никуда не годится, либо ты переписываешь без ссылок чужие вещи. Поэтому часто намертво блокировали переводы — в этом было дело. Когда стали делаться переводы, были совершенно страшные вещи и смешные одновременно. Есть такая толстая книга, может быть вы ее даже видели, одна из первых больших книг по социологии, которая вышла в русском переводе — «Современная социологическая теория: преемственность и изменение» под редакцией Дмитрия Ивановича Чеснокова [Becker, Boskoff, 1957; Беккер, Босков, 1961]. Я, естественно, книжку эту читал в оригинале, а не 10 лет спустя, когда ее перевели. Выходит русский перевод с грифом «Для научных библиотек», стал листать — ничего не могу понять! Помимо того, что один и тот же термин переводится по-разному, в некоторых местах просто смысла никакого нет. Оригинал у меня дома не было, но я просто произвел грамматический анализ и оказалось, что в одном предложении нет подлежащего, а в другом нет сказуемого. Как это могло получиться, понятно: Дмитрий Иванович не знал английского языка и, кроме того, если бы он даже пытался читать и не понял, то это только подтвердило бы идею о маразме буржуазной социологии, а не только то, что переводчики были плохие.

Переводы — это же тяжелая работа, это и сегодня остается проблемой. Есть только две возможности: либо перевод делает профессиональный переводчик, тогда это удобочитаемый текст, но часто совершенно неверный терминологически, с точностью до наоборот, к тому же профессиональному переводчику надо больше платить; либо это аспирант или кандидат наук, который может понять текст, но сделает в лучшем случае неудобочитаемый подстрочник. Исключения получались, когда титульный редактор сидел и переписывал, но это могли делать только очень большие подвижники, по-настоящему великие люди. Я никогда не забуду, как мы с покойным Валентином Фердинандовичем Асмусом, в 1959-м году сидели под Москвой в доме отдыха и писали учебник «Основы марксизма-ленинизма» [1960]. Получился очень хороший по тем временам учебник. И вот он все свободное время переписывал перевод расселовской истории западной философии. Он его переписывал, чертыхался, конечно, и никакой гонорар этот адов труд не оправдывал. Человеку уровня Асмуса переводить на это жизнь было абсурдно, но, с другой стороны, я прекрасно понимаю — он не мог иначе. Эта книга, вы ее и сегодня можете читать, потому что Рассел блестящий стилист и потому что Асмус переписывал.

М.П.: *А какие еще были удачи в переводах социологических работ?*

И.К.: Это по-всякому бывало. Я всегда все читаю в оригиналах, но иногда я и сейчас прихожу в ярость. Я сказал горькие, крайне резкие слова своей ученице Римме Шпаковой. Она прекрасно знает немецкую социологию, но тут вышла книжка шведского социолога Пера Монсона [1992], которую перевели чудовищно, и титульный редактор стоит Римма. Я, когда ее увидел потом, сказал: Римма, как не совестно, нельзя ставить свое имя на такие вещи! Там умудрились Маркса

переводить со шведского, названия книг Мида неверно переведены, потому что по-шведски они как-то иначе назывались. Вместе с тем я понимаю, что деньги титульному редактору платят только за имя, не за работу, это никогда не оплачивалось так хорошо, чтобы можно было делать работу. Особенно трудный язык для перевода — французский. Просто там какая-то логика другая у французского языка. Потрясающе изящный текст, ты переводишь — и все тут же исчезает. Он какой-то такой образный, метафорический. Английский гораздо проще. А тут много трудностей возникало: надо было думать, взвешивать. Но больше всего говорят о том, как невозможно было работать те, кто не пробовал.

М.П.: *Еще одна тема, связанная с первыми двумя: в 1960-е годы, когда социология активно распространялась, существовало несколько социологических семинаров — у Левады, у Ядова в Ленинграде, в Новосибирске и ряд других. Там, по-моему, тоже пытались осваивать западные теории через переводы. Вы с этим сталкивались?*

И.К.: Я на семинары ходить не любил, сам их не проводил — я предпочитал читать лекции. Что касается Ядова, ему отчасти повезло. Когда они начинали заниматься социологией, я заранее выписал ряд книг, знал, что это понадобится. Когда эмпирическая социология еще только начиналась, я понятия не имел, насколько это сложно, но думал, что это вообще интересно. Мы с Ядовым вместе работали в университете, и я ему говорил, что интересно было бы этим заняться. На меня тогда большое впечатление произвела статья Пруденского¹⁹ в «Коммунисте» [1960]. Это была первая работа по свободному времени: очевидно, что там есть, что делать, а насколько это сложно, я не подозревал. Ядов тогда заниматься этим не хотел, он считал, что это все мелко, он занимался философией. Я сам не собирался заниматься эмпирическими исследованиями, это не мой тип работы, но я — доктор-то очень давно, и поэтому у многих был оппонентом на защитах. Кроме того, доктора имели право на очень ограниченное количество валюты на то, чтобы выписывать через книжный отдел Академии наук книги. Я тогда на свою кровную валюту выписал впрок один из самых популярных учебников по методике социологии. Я его так и не прочитал, потому что как только создалась социологическая лаборатория, я дал ребятам эту книжку и больше ее не видел. Ну, в общем, они с этим работали.

С выбором книг иногда бывали случайные вещи. К сожалению, и сейчас продолжают, хотя у нас тоже не такие уж большие возможности, и, если бы этим кто-нибудь занимался и хотел это делать, было бы лучше, но увы. Ну, например, первый учебник по социальной психологии, который у нас издан, — это плохой учебник Шибутани [Shibutani, 1961; Шибутани, 1969]. Он плохой как учебник, плохой методически. У этого автора есть хорошие работы, но учебник не самый успешный. Почему он появился? Потому что это был первый учебник, который попался в руки Ольшанскому²⁰, и они всем сектором переводили. Если бы заранее

¹⁹ Пруденский Герман Александрович (1904—1967) — в 1958—1966 гг. — директор Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Академии наук СССР.

²⁰ Ольшанский Вадим Борисович (1927—2001) — в 1961—1968 гг. — аспирант, научный сотрудник сектора изучения новых форм труда и быта Института философии АН СССР, с 1968 г. работал в Институте конкретных социальных исследований.

сказали, была бы переведена совсем другая книга, по которой мы учили всех наших аспирантов²¹.

Самый лучший методический учебник, который я когда-либо вообще в жизни видел, — «Individual in Society» [Krech, Crutchfield, Ballachey, 1962]. Это большая толстая книга, и ты можешь ее начать читать, ничего не зная про социальную психологию, и все будешь понимать. А когда ее прочитаешь, сможешь читать всю профессиональную литературу. И когда я убедился, что это так, дал ее Ядову. Мы выписали еще одну, и у нас был учебник специально для ребят. И если появлялся подходящий мальчик, мы с ним не разговаривали до тех пор, как он не прочитает эту книгу. Иначе это бесполезно.

В этом отношении наша социология погибала, а Руткевич ее добил. Потом она начиналась по новой, но погибла, в частности, и по внутренним причинам. Затянувшаяся «подвальная» жизнь²², когда невозможно было работать, потому что в условиях, когда не нужно ходить на работу, что приемлемо для сложившихся людей: я сроду не работал ни в каком казенном доме, только дома, я не умею иначе, но меня не нужно организовывать. А мальчикам и девочкам нужна какая-то дисциплина (не говоря о том, что это вообще коллективная работа), потому что, когда на работу ходить не обязательно, привычки работать не возникает. И вторая причина — никто не читал учебников. У меня на всю жизнь осталось тягостное впечатление от первого моего посещения осиповского отдела (еще в подвале): милые ребята, но было смешно, потому что после того как кончилось застолье, они все — каждый по отдельности — подходили ко мне и говорили: «я занимаюсь такой темой и по моей теме нет никакой литературы». Причем не только нашенской, что было верно, но и в мире. И я им всем мог что-то сказать, не будучи специалистом в их темах. И где-то в середине этого разговора я понял, в чем причина: их никто не заставил и даже не посоветовал прочитать любой американский учебник от начала и до конца. Они выбирали тему, дальше заглядывали в указатель и смотрели только нужные страницы. И при этом им не приходило в голову, что то, что у нас называется «интерес», там может называться «ценностная ориентация» или чем угодно еще. Все чувствовали себя первооткрывателями, но нельзя создавать науку, не прочитавши учебник.

М.П.: *А левадовский семинар?*

И.К.: Это совсем другое дело. Другой уровень. Левада брал к себе уже подготовленных ребят. И там была теория, это совсем другое.

М.П.: *А вы к нему ходили?*

И.К.: Нет. Я жил в Ленинграде и приезжал раз в месяц, пока заведовал сектором, проводить заседания. С Левадой мы всегда были очень дружны, он самый талантливый и самый порядочный человек в нашем поколении, совершенно поразительный человек. Трудно представить себе эти пятнадцать лет, когда его нигде не печатали. Он никогда не жаловался, продолжал работать, ходил в библиотеку, читал в ситуации безнадежности. Это очень трудно.

М.П.: *Он не говорит на эту тему.*

²¹ Речь идет о [Goode, Hatt, 1952].

²² Отдел конкретных социологических исследований Института философии АН СССР был образован в 1966 г. и находился в подвале дома по ул. Писцовой, Москва.

И.К.: Это не игра в сильного человека. И сегодня это уже не травмирующий сюжет. Просто у человека есть за душой что-то более интересное: о своих болячках больше всего говорят люди, у которых больше ничего нет, тогда стоит жаловаться на жизнь. А человек, который работает... Можно рассказать, как обижали, естественно, но это не самое интересное. Левада — исключительный человек, к тому же абсолютная безупречность и надежность во всем, и никакие изменения в ситуациях не влияют...

Другой пример, другого типа человек, но тоже с безупречной порядочностью и образцовым поведением в трудных условиях — это Борис Максимович Фирсов²³. Он блестящий организатор. Когда-то мы все, включая Ядова, Здравомыслова и Шкаратана, мечтали поработать в институте, где директором товарищ Фирсов, хотя по рангу он был ниже всех нас. Но он человек невезучий. Где бы он ни работал при советской власти, всегда кончалось неприятностью, в которой он был не виноват, но он оказывался козлом отпущения. Я знаю его очень много лет, еще со времен, когда он был секретарем Петроградского райкома комсомола. Я у них вел семинар. Потом мы с ним какое-то время не пересекались, а познакомились уже через Ядова, с которым они были близкие друзья. Фирсова со скандалом ушли [Козловский, 1999]: он был первым секретарем Дзержинского райкома партии, но не захотел работать секретарем обкома — ему предложили повышение, а он отказался. Когда его оттуда убрали, он стал директором телевидения. Оттуда его тоже убрали из-за передачи, в которой выступил Солоухин и кто-то упомянул Солженицына. Передача еще не закончилась, как пошли звонки из ЦК, и Фирсова сразу сняли, хотя он абсолютно ни в чем не был виноват, это не его ответственность. Все это знали, в том числе и в обкоме. Он не захотел возвращаться в эту систему и принял решение, на которое мало кто способен. Ему было уже где-то к сорока, он был на большой работе, и те, кто его снимал, сами понимали, что ни за что. Его спросили, что он сам хочет, он сказал: хочу в аспирантуру. Нужно было сделать исключение, потому что принимали до 35 лет. Все считали, что это странная вещь — идти с хорошей зарплатой на сторублевую стипендию. Это было непростое решение, после этого я его стал очень уважать... Я на самом деле уважаю только людей, которые могут сделать что-то такое, чего я заведомо не могу: знаю, что у меня не получится, тогда я снимаю шляпу. Если я сам это могу, то тогда ничего особенного. Это было совершенно поразительно — после такого падения появиться на факультете в качестве аспиранта! При таком перепаде один человек чувствует себя обиженным, ушибленным, жалуется, выглядит жалко и так далее, другой, наоборот, делает вид, как будто ничего не произошло, демонстрирует чувство собственного достоинства, и может нарваться на то, что кто-то попытается поставить его на место. Борис же появился в коридоре философского факультета <...> Я просто зрительно это помню — я профессор, он аспирант, начинается разговор, и он как бы предлагает вам на выбор: хочешь — будут отношения профессора и аспиранта, хочешь — какие угодно. Ни приниженности, ни навязывания стиля отношений, которые могут быть в этих ситуациях собеседнику неудобны!

²³ Борис Максимович Фирсов (род. 1929) — советский и российский социолог, в 1989—1996 гг. основатель и первый директор Социологического института РАН, в дальнейшем — сооснователь и первый ректор (1995—2003) Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Ну, а дальше он опять быстро пошел в гору, поехал в Англию и так далее. К нему в обкоме относились хорошо, пока не случились очередные большие неприятности. Чуть ли не американским шпионом оказался в ИСЭП²⁴. Началась травля и меня с Ядовым, а Фирсова подставили в истории с секретностью [Ядов, 1999: 56—58]. Самое интересное, что он из всех нас единственный аккуратный человек, он воспитанный чиновник. Я могу потерять любую бумажку, в том числе секретную, Владимир Александрович — то же самое. С Фирсовым ничего такого не могло произойти, он не мог ни потерять бумажку, ни сделать то, что не положено, с бумажкой. Но в деле участвовали одновременно и КГБ, и обком. Его увольняли буквально с волчьим билетом, но просто выкинуть доктора наук на улицу было невозможно. Тогда я его сосватал в Институт этнографии. Борис к директору этого института²⁵ не хотел обращаться напрямую: тот — человек со всячинкой, но вместе с тем то, что о нем говорили, подтвердилось, дружеские обязательства он уважал. Когда я ему рассказал, что Борису очень плохо, он сам предложил попробовать взять его в институт. Что было невозможно, потому что Фирсов не имел никакого отношения к этнографии. Но потом придумал: тот директор, который хочет от него избавиться²⁶, мне его со ставкой отдаст, а в обкоме я буду разговаривать так, как будто беру его на перевоспитание. Они тоже будут счастливы: я им делаю одолжение, что беру почти шпиона (был момент, когда Фирсова на бюро горкома чуть не исключили из партии), но все получилось. Борис в институте прекрасно себя поставил, за время работы он сумел сделать, чего не сделали за десятилетия, и самое важное из того, что он там сделал, — опубликовал очень важные материалы Телешевского архива. Это бесценная совершенно вещь.

М.П.: *А что можете рассказать про встречи в Кяярику?*

И.К.: В Кяярику было-то очень интересно! Вот, что меня поразило, когда мы первый раз там были, — это дорога (нас обычно Здравомыслов возил на своей машине). Вот граница по реке, и в какую бы сторону мы ни ехали, разница между эстонской и российской территорией огромная. Еще я очень удивился тому, что студенты делали хорошие доклады и те же самые способные ребята выполняли все функции по обслуживанию: накрывали на столы, убирали и так далее. Я спросил старших: а как у вас это получается? Потому что у нас если молодой человек способный, то сразу зазнается. Они объяснили: у нас маленькая страна, и, если мы хотим, чтобы к нам приезжали, мы должны хорошо все организовать, а лишних денег у нас на это нет. А что касается ребят, то здесь уйти некуда, поэтому если он испортит отношения с людьми тут и станет понятно, что он плохой человек, то другого места в Эстонии у него практически не будет.

М.П.: *Встреч в Кяярику было четыре²⁷.*

²⁴ Институт социально-экономических проблем АН СССР. В 1975 г. Ленинградские сектора Института социологических исследований были переданы в ИСЭП.

²⁵ В 1966—1989 гг. директором Института этнографии АН СССР был Юлиан Владимирович Бромлей (1921—1990).

²⁶ Сигов Ивграф Иванович — директор Института социально-экономических проблем АН СССР в 1978—1989 гг.

²⁷ Об этом в интервью рассказывал социолог Юло Вооглайд. Тема четвертой встречи, по его словам, была «Массовое общество, массовая культура, массовые коммуникации» — МММ, которое было расшифровано властями как Маркс, Мао, Маркузе (из архива М. Г. Пугачевой).

И.К.: Я был на трех, по-моему. Я не помню. Там была хорошая атмосфера, я познакомился с Щедровицким²⁸. Единственный раз, когда я видел злого Леваду: он все время Щедровицкого обрывал. А мне Щедровицкий понравился, я считал и считаю, что он был очень полезен в малых дозах. В больших дозах, когда эта методология становилась самоцелью, это уже не работает, потому что на самом деле, как ходит сороконожка, знать ей не обязательно. А в малых дозах это очень дисциплинирует. У Щедровицкого многие научились, в том числе и Грушин. Но важно было вовремя уйти, а я тут его впервые видел, это было занятно. Так что в Кярярику была очень хорошая атмосфера.

М.П.: *А какой-то «сухой остаток» от этого всего был?*

И.К.: Мне трудно судить, я всегда был сам по себе. То, чем занимался я, этим никто другой не занимался. Эмпирическими исследованиями я не занимался, но это было очень важно, и в Кярярику были хорошие разговоры. Они были на равных, там не было чинопочитания. Я не помню подробностей, что там и как было, но у меня ощущение, что это нормально, что это такого типа семинары, какие бывают у физиков, включая наличие чувства юмора. Я даже когда-то папку хотел сделать по образцу физиков, сборник «Социологи шутят». Причем, после Кярярику. Но потом как-то стало не до шуток.

Человеческая атмосфера — вовсе не формализованный процесс, это живое дело, включая общение. Все это там было очень хорошо выражено. Потом эти переживания, как мы там ждали решения Политбюро о создании института²⁹, причем нам всем было ясно, что по идее его не должно быть.

М.П.: *В 1968-м? Вы ждали его там?*

И.К. Да. Именно когда были там, мы все понимали, что на самом деле время ушло, потому что это все разворачивалось на подъеме либерализации. Это окончательно стало бессмысленно в 1968-м, потому что после подавления Чехословакии стало ясно, что система развиваться не будет, а будет только застой, зажим и так далее. До того, на волне хрущевских реформ и какое-то время после, партии была нужна какая-то информация, они сами имели иллюзии. Но тут уже иллюзий ни у кого не осталось, поэтому было ясно, что социология никому не нужна. И, тем не менее, решение состоялось, не помню, кто... Кажется, Осипов³⁰, звонил в Москву по несколько раз в день. Но все состоялось, потому что система была инерционной³¹.

М.П.: *А с Алексеем Матвеевичем Румянцевым³² вы были знакомы?*

И.К.: Да, конечно, но не близко. Там фактически всем занимался Осипов, а с Румянцевым я просто встречался, когда меня приглашали заведовать секто-

²⁸ Щедровицкий Георгий Петрович (1929—1994) — в 1952—1989 гг. руководитель междисциплинарного семинара по исследованию систем, автор работ по методологии познания.

²⁹ Речь идет о создании Института конкретных социальных исследований. Постановление Политбюро ЦК КПСС вышло 22 мая 1968. См. [Документы..., 1999: 446—447].

³⁰ Осипов Геннадий Васильевич (род. 1929) — советский и российский социолог и организатор науки. Один из инициаторов создания Института конкретных социальных исследований АН СССР. Со-организатор, вице-президент (1959) и президент (1960—1972) Советской социологической ассоциации.

³¹ Подробнее о создании Института см. [Пугачева, 1994].

³² Румянцев Алексей Матвеевич (1905—1993) — советский и российский экономист и социолог. Первый директор вновь созданного ИКСИ. В 1952—1976 гг. член ЦК КПСС.

ром — естественно, был разговор с директором. Он ведь институтом не занимался. Он был пример хорошего партработника. Он был партработник, ничего другого, но хороший, умный и с каким-то политическим чутьем. Конечно, в институте его подставляли, это двоевластие, причем самое смешное, потому что и в том и в другом подразделении работали люди, у которых были хорошие взаимоотношения. Я помню, мы с кем-то смеялись, с Галкиным, что ли, он был у Бурлацкого³³, а я у Осипова — мы встретились где-то в коридоре, разговариваем, а у обоих замдиректоров³⁴ звонят телефоны и кто-то докладывает, что происходит заговор. У нас у всех было к этому ироническое отношение.

М.П.: У меня было такое ощущение, что слишком много интеллектуалов собралось на маленьком пятачке.

И.К.: Знаете, в институте между секторами не было ни склок, ни распрей, за исключением чисто административной Осипова с Бурлацким.

М.П.: Я имею в виду соперничество... Не было?

И.К.: Дело в том, что все заведомо знали, что мы все — разные и не взаимозаменяемые. Ну, какие у меня могли бы быть (вне зависимости от человеческих качеств) конфликты с Шубкиным³⁵ или с Грушиным...

М.П.: Я не о конфликтах, а об интеллектуальном пижонстве.

И.К.: Вы знаете, я этого не ощущал. Такого рода вещи были в ИМРД³⁶, когда Тимур Тимофеев собрал у себя цвет интеллигенции. Тогда с самого начала было понятно, что институт нежизнеспособен, потому что никто из этих людей не занимается и не будет заниматься не только международным рабочим движением, но и вообще чем бы то ни было, что нужно каким-то там структурам. Каждый будет сам по себе, и в придачу — именно потому что это интеллектуалы — там будет полно идеологических неприятностей. В нашем же институте на самом деле было очень мало серьезных идеологических неприятностей, ну, вот кроме «Лекций» Левады [Левада, 1969а, 1969б], которые никто не читал, и еще там каких-то ерундовых вещей. Личные отношения между всеми были хорошие — ну, просто все были разные, понимаете? Вопрос «Кто главный?» встает, когда люди занимаются одним и тем же. Но сравнивать разные по тематике работы, сравнивать их сильные и слабые стороны невозможно. Если речь шла о западной социологии, то ее знали только три человека: Левада, Андреева и я. Если мы трое чего-то не знали, понятно, что этого никто не знал.

Я помню аспирантские экзамены, на которых Осипов любил разные придумки. Вот он сунул в билеты вопрос «Критика теории классов Льва Гульмана». Кто такой Лев Гульман, никто не знал, потому что это автор единственной статьи во французском социологическом журнале. И вдруг аспирантам задается такой вопрос на эк-

³³ Бурлацкий Федор Михайлович (1927—2014) — советский и российский политолог. В 1969—1971 гг. был заместителем директора ИКСИ. До этого с начала 1950-х гг. в разные годы работал в международном отделе журнала «Коммунист», в Отделе ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран, в газете «Правда», а также в Институте мировой экономики и международных отношений АН СССР.

³⁴ Заместителями директора ИКСИ были Г. В. Осипов и Ф. М. Бурлацкий.

³⁵ Шубкин Владимир Николаевич (1923—2010) — советский и российский социолог. В 1962—1969 гг. — руководитель сектора в Институте экономики и организации промышленного производства. Работал также в Институте конкретных социальных исследований.

³⁶ Институт международного рабочего движения АН СССР.

замене. Мы поговорили с Андреевой, с Левадой, никто из нас о нем не слышал, и мы сказали аспирантам: ребята, такой теории нет. Если попадется такой вопрос, можете рассказывать все, что угодно, просто проявите творческое воображение. Сочиняйте любую теорию, какую захотите. С Осиповым постоянно случались такие вещи. Когда происходил очередной скандал с его книгой, в которой обнаруживался плагиат, я ему говорил: Гена, у тебя неправильно расставлены кадры. У тебя девочки режут, а мальчики клеят. Надо делать наоборот: пусть мальчики режут, а девочки клеят. Мальчики неаккуратные.

М.П.: *И что произошло, когда пришел Руткевич?*

И.К.: В институте в то время мы сами себя недооценивали, возможно, атмосфера блокады, когда ничего нельзя было напечатать, на нас тоже действовала. Каждый знал, над чем работает его отдел, а в то, что и другие отделы работают, как-то не верилось. А вот когда это все развалилось и кончилось, и стали подводить итоги, то каждый поражался и себе, и другим тоже, как много было сделано. Насколько же работоспособно оказалось это учреждение, потому что, теоретически говоря, в этом бардаке работать было нельзя. Поэтому Руткевич³⁷, конечно, и себе шею сломал, и социологию убил. Когда он пришел, никто не собирался уходить. И не было инструкции на разгон. Он действовал вопреки ЦК, виноват был его собственный характер.

М.П.: *Потом сложилось мнение, что инструкция была.*

И.К.: Что социология не нужна была, это понятно, но тем не менее Отдел науки ЦК не хотел, чтобы люди расходились. Руткевич должен был, придя в институт, делать то, что было провалено, то есть то, что было нужно партии: изучение социальной структуры и так далее. Он должен был это делать, а все остальное не трогать. И все наработки пошли бы в дело. На самом деле, институт не был диссидентским. Но то, что выходило из-под Румянцева, считалось ревизионизмом, потому что были плохие отношения Румянцева с Трапезниковым [Пугачева, 1995]. Был еще скандал с «Лекциями Левады» — конечно, так, как их издали, нельзя было издавать [Документы, 1999: 485—507]. Но большая часть работ спокойно прошла бы. И Руткевич тут же бы пошел в академики и сделал бы политическую карьеру. Заниматься надо было тем, в чем он считал себя специалистом, этой социальной структурой. Но просто его характер...

Единственный человек, который сразу же правильно предупредил, что будет дальше, это покойный Андрей Сергеевич Ковальчук, муж Галины Михайловны Андреевой. Ни у кого из нас не было с Руткевичем тесных отношений, но казалось — он все-таки социолог, чего-то понимает, поэтому думали, как с ним будет работать. А Ковальчук сразу мне сказал: с Руткевичем работать нельзя никак, никто из вас с ним работать не сможет. С ним может работать только младший научный сотрудник без степени, который на любое замечание будет говорить: да, Михаил Николаевич, слушаюсь, Михаил Николаевич. Дальше так и получилось. Руткевич стал хамить. Например, учить Шубкина, как заниматься его исследованиями. До того, как Руткевич стал директором, у них были прекрасные отношения.

³⁷ Руткевич Михаил Николаевич (1917—2009) — доктор философских наук (1961), член-корреспондент АН СССР (1970), организатор и первый декан философского факультета Уральского университета (1966—1972), директор Института социологических исследований (ИСИ) АН СССР в 1972—1976 гг.

Он взял Шубкина с собой в первую же командировку в Польшу, но в ходе этой поездки Шубкину стало ясно, что работать с ним невозможно. И со мной случилось то же самое. Я был одним из первых, если не первый, кто ушел.

М.П.: *Первый ушел Левада.*

И.К.: Ну, уход Левады был условием, а со мной он допустил хамство, чего по отношению ко мне делать никогда было нельзя. Он со мной не пожелал встретиться, у него «не было времени». Я ушел в отпуск, после этого узнал уже от своей секретарши, что он переименовал сектор, и меня освободили от заведования, не спросив моего согласия. Это было на самом деле незаконно, и вопрос для меня сразу был решен: я тут работать не буду. Причем, самое смешное, что я никогда не хотел заведовать сектором. Мне это не нужно, это лишние хлопоты. Я спокойно мог сидеть в Ленинграде и заниматься своим делом, а сектором пусть заведует кто угодно.

Мне стало ясно, что я уйду, и я тут же отовсюду начал получать предложения. Но сложность заключалась в том, что против воли нового директора уйти довольно трудно. Федосеев³⁸ тогда установил мораторий: никого не брать из института. Хотя он Руткевича не любил и хотел его подставить, но вместе с тем официально формально его поддерживал. Эта поддержка заключалась в том, что он запретил другим институтам Академии наук брать людей из ИСИ. Самое приемлемое место мне тогда предложил Замошкин: профессором кафедры Института общественных наук (цековское заведение). Он меня представил ректору, я понравился, да и репутация у меня была достаточно хорошей. И при серьезной кадровой проверке оказалось, что ничего такого в моем досье нет.

В это время я болел, сидел в Ленинграде и в Москву не ездил. А Ядов, который в это время был заместителем по Ленинграду, предупреждал, оказывается, Руткевича: выясните отношения с Коном, так нельзя обращаться с человеком. Он отмахивался. И потом как гром среди ясного неба: я получил официальное письмо, что состоялось решение ЦК о моем зачислении профессором Института общественных наук при ЦК КПСС и Руткевича просят оформить перевод. Только после этого он забеспокоился, отказался это делать, стал сопротивляться.

Я приехал в Москву, зашел и говорю:

— Михаил Николаевич, у вас есть решение ЦК, давайте, оформляйте документы.

— Я не могу этого делать. Зачем вам преподавание, чем вам здесь плохо, сидеть в Ленинграде и никаких забот?

— Это было бы очень хорошо, если бы вы мне это предложили до того, как принимать решение о снятии меня с завсектора. После того как вы решаете без меня, я тоже решаю без вас. У нас уже нет базы для разговоров, кроме того, я не могу использовать партийное учреждение в качестве разменной монеты в торговле с вами, тем более что торговаться не о чем.

— Я ничего не могу сделать, это невозможно, и вообще Международный отдел мной не распоряжается, а Отдел науки против вашего ухода. Идите в Отдел науки.

Я говорю:

— Михаил Николаевич, это вы зависите от Отдела науки. Я человек маленький, я в номенклатуре Отдела науки не числюсь и мне разрешения у них спрашивать

³⁸ Федосеев Петр Николаевич (1908—1990) — философ, академик (1960), вице-президент АН СССР (1962—1967, 1971—1988), член ЦК с 1961 г.

не надо. Поэтому единственное, зачем я мог бы туда пойти — жаловаться на вас, на ваше хамство, на вашу кадровую политику. Этого я делать тоже не хочу: незачем тратить время и нервы, вас за это все равно снимут через какое-то время.

— Но я, — говорит, — не могу.

— Ну, как хотите. Я достал из кармана готовое заявление. Не можете переводом — сделайте «по собственному желанию». Он весь перекопился. Я говорю: через положенные три недели я приеду за трудовой книжкой.

Поскольку перед разговором с ним я выяснил через Ядова, что он не хочет меня отпускать, то я переговорил с ректором Рыженко, и тот сказал, что нет проблем, не хочет — не надо, мы тебя тем же днем оформим. У меня было только одно опасение: не оказаться между двумя отделами ЦК. Об этом я получил консультацию Арбатова³⁹, который сказал: чтобы Руткевичу отменить решение Загладина⁴⁰, он должен обращаться в Сектор философии, Сектор философии должен выходить на Трапезникова, Трапезников должен выходить на секретаря Демичева⁴¹, а Демичев разговаривать с Пономаревым⁴² — только таким образом можно отменить решение Загладина. Даже если это произойдет — не страшно, ты можешь после этого хоть ноги на голову Руткевичу класть и что угодно еще, если тебя оставят на таких условиях. Но этого никогда не произойдет — чиновники на себя никогда не жалуются, ведь любое обращение вверх вызовет вопрос: если это такие ценные кадры, почему они от вас уходят?

Я снова уехал в Ленинград, оставив это заявление, приближался срок и тогда я послал ему записку: Михаил Николаевич, послезавтра я приезжаю за трудовой книжкой, если вы хотите сделать скандал, то пожалуйста, но, если трудовая книжка не будет готова, я пойду к прокурору. Когда я приехал, я получил свою трудовую книжку и все.

Потом, когда уходил Шубкин, он уже использовал этот прецедент. Руткевич его тоже уговаривал: Владимир Николаевич, я знаю, вам здесь лучше. На что Шубкин ему ответил: если бы у меня даже были бы какие-то сомнения, то вы их сейчас развеяли, потому что работать с директором, который лучше меня знает, что для меня хорошо, абсолютно невозможно. Позже Шубкину пытались выкручивать руки в горьком партии, но он им сказал: «Кон молодой и здоровый, а я фронтовик, и если он не может, то как я могу это терпеть. А насчет того, что в Институте до Руткевича работали бездельники, так как вы думаете, при том противодействии, которое вызывает всегда создание новой науки, могла кучка бездельников столько всего создать...?». Так что задержать его тоже не смогли.

А меня все-таки пытались удержать через обком партии. Я снялся с партучета в райкоме, а потом в обкоме спохватились: им то ли Руткевич звонил, то ли из Отдела науки, но срочно дали указание меня не снимать с учета. Но, во-первых,

³⁹ Арбатов Георгий Аркадьевич (1923—2010) — историк и экономист, академик (1974), основатель Института США и Канады.

⁴⁰ Загладин Вадим Валентинович (1927—2006) — историк, журналист, общественный деятель, в 1960—1964 гг. работал в журнале «Проблемы мира и социализма», с 1964 — в аппарате ЦК КПСС, член ЦК (1981—1990).

⁴¹ Демичев Петр Ниллович (1918—2010) — секретарь ЦК КПСС в 1961—1974 гг.

⁴² Пономарев Борис Николаевич (1905—1995) — академик (1962), секретарь ЦК с 1961 г., кандидат в члены Политбюро с 1972 г.

я уже снялся, а во-вторых, это уже не имело никакого значения. Со мной хотели поговорить в обкоме, звонили, просили прийти. Я сказал, что не могу, я болен. В это время я уже не был болен, но решил, а чего я буду с ними разговаривать: я решение принял и все.

Впрочем, когда Руткевич говорит, что никого не разгонял, это правда. Все уходило с громадным трудом, за исключением Левады и сотрудников отдела Бурлацкого (это было предreshено, тут он ни при чем), а все остальные — с трудом, вопреки его сопротивлению. Но он виноват в том, что никто вначале не собирался уходить, я вам серьезно говорю. Более того, балаган всем надоел, все устали от двоевластия, устали от блокады... Отдел науки здесь тоже не виноват: они выбрали человека достаточно реакционного, но в то же время профессионального. Если бы Суслов не задержал Георгия Лукича Смирнова⁴³, который уже почти принимал дела.

М.П.: *И что бы было?*

И.К.: Социология была бы совершенно другая. Никто бы не ушел из Института, все бы работали. С ним можно было работать, он спокойный человек. У нас у всех были с ним хорошие отношения. К нему можно было прийти, обо всем поговорить. И он уже был готов, уже все было решено, но отменилось в последний момент, когда попало на визу к Сулову. Сулов сказал: что это мы будем с Академией наук своими кадрами делиться? И все. И после этого Лукич в ЦК остался. Роль личности в истории. Конечно, чего не было, того не было. А был бы нормальный человек и с авторитетом, и по истории социологии у нас было бы сделано значительно больше того, что опубликовано.

Список литературы (References)

Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении / пер. В. М. Карзинкина и Ю. В. Семенова ; общ. ред. Д. И. Чеснокова. М. : Издательство иностранной литературы, 1961.

Becker G., Boskoff A. (1957) *Modern Sociological Theory in Continuity and Change*. New York: Dryden Press.

Документы // Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / отв. ред. и авт. предисл. Г. С. Батыгин ; ред.-сост. С. Ф. Ярмолюк. СПб. : РХГИ, 1999. С. 440—613.

Documents. Batygin G. S. (ed.) (1999) *Russian Sociology of 1960s in Memories and Documents*. Saint Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute. P. 440—613. (In Russ.).

Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / пер. А. Н. Ильинского ; под ред. В. А. Базарова. СПб. : Н. П. Карбасников, 1912.

Durkheim É. (1897) *Suicide: A Study in Sociology*. Paris. (In French).

Из эпистолярного наследия Питирима Сорокина: переписка с И. С. Коном // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 2. С. 20—35.

⁴³ Смирнов Георгий Лукич (1922—2010) — философ, член-корреспондент (1981), с 1957 г. сотрудник аппарата ЦК КПСС, директор Института философии в 1983—1985 гг.

From the Epistolary Heritage of Pitirim Sorokin: Correspondence with I. S. Kon. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 1998. Vol. 1. No. 2. P. 20—35. (In Russ.).

Козловский В. В. Интервью с доктором философских наук Б. М. Фирсовым // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 2. № 4. С. 3—22.

Kozlovsky V. V. (1999) Interview with Doctor of Philosophy B. M. Firsov. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 2. No. 2. P. 3—22. (In Russ.).

Кон И. С. Позитивизм в социологии. Л. : Издательство Ленинградского университета, 1964.

Kon I. S. (1964) *Positivism in Sociology*. Leningrad: Leningrad University Publishing House. (In Russ.).

Кон И. С. Психология социальной инерции // Коммунист. 1988. № 1. С. 64—75.

Kon I. S. (1988) *Psychology of Social Inertia*. *Communist*. No. 1. 64—75. (In Russ.).

Левада Ю. А. Лекции по социологии. Вып. 1. Информационный бюллетень / Науч. совет АН СССР по проблемам конкретных социальных исследований ; Советская социологическая ассоциация ; Институт конкретных социальных исследований АН СССР. № 5 (20). М., 1969а.

Levada Yu. A. (1969a) *Lectures in Sociology*. Vol. 1. Informational Bulletin. No. 5 (20). Moscow. (In Russ.).

Левада Ю. А. Лекции по социологии. Вып. 2. Информационный бюллетень / Науч. совет АН СССР по проблемам конкретных социальных исследований ; Советская социологическая ассоциация ; Институт конкретных социальных исследований АН СССР. № 6 (21). М., 1969б.

Levada Yu. A. (1969b) *Lectures in Sociology*. Vol. 2. Informational Bulletin. No. 6 (21). Moscow. (In Russ.).

Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения / сост. И. С. Кон ; пер. Ю. А. Асеева. М. : Наука, 1988.

Mead M. (1988) *Culture and the World of Childhood*. Selected Contributions. Moscow: Nauka. (In Russ.).

Монсон П. Современная западная социология: теории, традиции, перспективы / пер. А. Ливановой ; науч. ред. Р. Шпакова. СПб. : Издательство «Нотабене», 1992. Månson P. (1991) *Modern Social Theories: Traditions, Directions, Theorists*. Stockholm: Prisma. (In Swedish).

Основы марксизма — ленинизма : учебное пособие. М. : Государственное издательство политической литературы, 1960.

Fundamentals of Marxism — Leninism: A Handbook. Moscow: Politizdat, 1960. (In Russ.).

Питирим Сорокин: избранная переписка / под. ред. П. П. Кротова. Вологда : Древности Севера, 2009.

Krotov P. P. (ed.) (2009) *Pitirim Sorokin: Selected Correspondence*. Vologda: Drevnosti Severa. (In Russ.).

Пресса в обществе (1959—2000). Оценки журналистов и социологов. Документы / сост. А. И. Волков, М. Г. Пугачева, С. Ф. Ярмолюк. М. : МШПИ, 2000.

Volkov A. I., Pugacheva M. G., Yarmolyuk S. F. (comps.) (2000) *The Press in the Society (1959—2000). Assessments of Journalists and Sociologists. Documents.* Moscow: Moscow School for Political Studies. (In Russ.).

Пруденский Г. А. Свободное время трудящихся в социалистическом обществе // *Коммунист*. 1960. № 15. С. 40—51.

Prudensky G. A. (1960) *Workers' Leisure Time in Socialist Society.* *Communist*. No. 15. P. 40—51. (In Russ.).

Пугачева М. Г. Записки, адресованные в Центральный Комитет КПСС, 1970 год // *Социологический журнал*. 1995. № 3. С. 205—217.

Pugacheva M. G. (1995) *Notes Addressed to the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, 1970.* *Sociological Journal*. No. 3. P. 205—217. (In Russ.).

Пугачева М. Г. Институт конкретных социальных исследований АН СССР, 1968—1972 // *Социологический журнал*. 1994. № 2. С. 158—172.

Pugacheva M. G. (1994) *Institute for Concrete Social Research of Academy of Sciences of the USSR, 1968—1972.* *Sociological Journal*. No. 2. P. 158—172. (In Russ.).

Пугачева М. Г. Интервью с Игорем Анатольевичем Голосенко // *Социологическое обозрение*. 2001. Т. 1. № 2. С. 82—89.

Pugacheva M. G. (2001) *Interview with Igor Anatoyevich Golosenko.* *Sociological Review*. Vol. 1. No. 2. P. 82—89. (In Russ.).

Пугачева М. Г., Ярмолюк С. Ф. «Война спровоцировала всякие запросы о жизни». Интервью с Г. М. Андреевой // *Социологическое обозрение*. 2002. Т. 2. № 3. С. 78—87.

Pugacheva M. G., Yarmolyuk S. F. (2002) "The War Provoked Different Kinds of Requests to Life". Interview with G. M. Andreeva. *Sociological Review*. Vol. 2. No. 3. P. 78—87. (In Russ.).

Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / отв. ред. и авт. предисл. Г. С. Батыгин ; ред.-сост. С. Ф. Ярмолюк. СПб. : РХГИ, 1999.

Batygin G. S. (ed.) (1999) *Russian Sociology of 1960s in Memories and Documents.* Saint Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute. (In Russ.).

Семенов В. С. «Наука — выше политики» // *Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах* / отв. ред. и авт. предисл. Г. С. Батыгин ; ред.-сост. С. Ф. Ярмолюк. СПб. : РХГИ, 1999. С. 428—439.

Semenov V. S. (1999) "Science is Over Politics". Batygin G. S. (ed.) *Russian Sociology of 1960s in Memories and Documents.* Saint Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute. P. 428—439. (In Russ.).

Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика : Исследования изменений в больших системах искусства, истины, этики, права, и общественных отношений / пер. с англ. В. В. Сапова. СПб. : РХГИ, 2000.

Sorokin P.A. (1957) *Social & Cultural Dynamics: A Study of Change in Major Systems of Art, Truth, Ethics, Law and Social Relationships*. Boston, MA: Porter Sargent Publisher.

Философия и методология истории : сб. статей / под общ. ред. И. С. Кона ; пер. Ю. А. Асеева. М. : Прогресс, 1977.

Kon I. S. (ed.) (1977) *Philosophy and Methodology of History: Articles* / translated by Yu. A. Aseev. Moscow: Progress.

Шибутани Т. Социальная психология / сокр. пер. В. Б. Ольшанского ; общ. ред. Г. В. Осипова. М. : Прогресс, 1969.

Shibutani T. (1961) *Society and Personality: An Interactionist Approach to Social Psychology*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.

Ядов В. А. «Мы все — самоучки в социологии» // Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах / отв. ред. и авт. предисл. Г. С. Батыгин ; ред.-сост. С. Ф. Ярмолюк. СПб. : РХГИ, 1999. С. 42—63.

Yadov V. A. "We are All Self-Taught in Sociology". Batygin G. S. (ed.) (1999) *Russian Sociology of 1960s in Memories and Documents*. Saint Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute. P. 42—63. (In Russ.).

Caprio F.S., Brenner D.R. (1969) *Deviations of Sexual Behavior*. New York: Paperback Library.

Goode W.J., Hatt P.K. (1952) *Methods and Social Research*. New York: McGraw-Hill Kogakusha.

Krech D., Crutchfield R. S., Ballachey E. S. (1962) *Individual in Society: A Textbook of Social Psychology*. New York: McGraw-Hill Book Company.